

А.В. Богачев

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

В эпоху средневековья именно кочевники были той действенной силой, которая неоднократно меняла политическую и этнокультурную доминанту не только на обширнейших пространствах Евразийских степей, но и на сопредельных территориях. Имена этих народов навсегда остались в истории человечества: гунны, аланы, авары, болгары, хазары, печенеги, торки, половцы, татаро-монголы.

Изучение кочевнических древностей лесостепного Поволжья имеет более чем столетнюю историю. В 1898 г. А.А. Спицын, при обследовании Кокрятского городища (ныне Старомайинский район Ульяновской области), «на песчаных возвышенностях» выявил 10 погребений с северной ориентировкой костяков и датировал их VIII-X вв. (Спицын, 1916. С. 79). Е.П. Казаков сообщает, что ряд украшений (в том числе IX в.) из этого могильника (ныне хранящиеся в Эрмитаже) были собраны Ф. Ставропольским и переданы А.А. Спицыну (Казаков, 1982. С. 29).

В 1914 г. В.Н. Поливанов примерно в 5 км от пос. Старая Майна (в 1 км от Старо-Майинского городища), у края высокой надпойменной террасы обнаружил «истлевшие человеческие кости», «остатки гробов», «глиняный кувшин» и другие вещи, ныне хранящиеся в Ульяновском областном краеведческом музее. Опубликовавший эти находки Г.М. Буров датирует их в пределах VIII-X вв., и считает, что «Старо-Майинский могильник, очевидно, был близок к могильникам типа Танкеевского» (Буров, 1981. С. 53).

В 20-е годы XX столетия археологическая деятельность в регионе активизировалась. В 1917 г. в Казани был открыт Северо-Восточный археологический и этнографический институт, а в Самаре в 1919 г. – университет, при котором было организовано Общество археологии, истории, этнографии и естествознания.

Археологическими исследованиями в Самарской губернии с 1920 по 1929 г. руководила профессор В.В. Гольмстен. На базе материалов, полученных, главным образом, в результате собственных раскопок, она разработала периодизацию памятников Самарского Поволжья. Культуры раннего железного века – средневековья она

разделила на две группы: культуры оседлого населения лесных и горных частей края и культуры степных районов. К последним В.В. Гольмстен отнесла ряд погребений (позднесарматских, как представляется сегодня) Березняковского могильника (раскопки В.В. Гольмстен 1923-1924 гг.), материалы которых она выделила в березняковскую культуру II в. до н.э. – II в. н.э. (Гольмстен, 1928. С. 134). Весной 1927 г. близ с. Федоровка Бузулукского уезда было найдено размытое внешними водами погребение, отнесенное В.В. Гольмстен к периоду великого переселения народов и датированное V веком (Гольмстен, 1928. С. 134-135). Кроме того в 1923 г. в кургане близ с. Александровка на р. Вязовка В.В. Гольмстен было исследовано частично разрушенное позднекочевническое захоронение. Год спустя в 1924 г. ею же были собраны материалы из разрушенного подкурганного погребения кочевника у с. Воскресенка (Васильева, 1979; 2000).

В Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина хранятся оставшиеся неопубликованными материалы из раскопок 1920-х годов. Г.И. Матвеева (по материалам дневника А.А. Марущенко) пишет, что 14 мая 1922 г. группа слушателей высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете обследовала курганный могильник близ с. Рождествено на Самарской Луке (впоследствии III Рождественский), открытый в 1920 г. профессором Самарского университета П.А. Преображенским (Матвеева, 1997. С. 5-6). Ими же, вдоль дороги с. Рождествено – с. Новинки, было найдено и исследовано еще два могильника: раскопано два кургана II Новинковского и три кургана I Новинковского могильника. Было вскрыто 5 захоронений, скудный материал из которых (поясная накладка и трехлопастной наконечник стрелы) позволил датировать их VIII-IX вв. (Матвеева, 1997. С. 6).

В 1929 г. П.С. Рыков опубликовал кочевническое захоронение, впущенное в курган близ с. Зиновьевка Лопатинского района Саратовской области, которое он датировал VII-VIII вв. и связал с поздними аланами (Рыков, 1929). В более поздней работе П.С. Рыков Зиновьев-

ский комплекс (вместе с еще одним погребением, исследованным близ Саратова) объединил в группу, «следующую за группой сарматских подбойных погребений. Эта небольшая группа при дальнейших находках не только может оказаться более поздней, чем сарматская, но и относящаяся к другой группе, что вполне будет приемлемо, раз мы признаем хазарское царство конгломератом разных племен» (Рыков, 1936. С. 112). В статье 1956 г. Е.К. Максимов включил зиновьевское захоронение (как самое северное) в круг нижневолжских подкурганых захоронений V-VIII вв., интерпретируя их как позднейшие сармато-аланские, малое количество которых «скорее надо объяснить тем, что гуннское нашествие увлекло за собою основную массу сармато-аланских племен, а оставшееся население сармато-аланов было редко...» (Максимов, 1956. С. 84-85).

Обобщающая статья Е.К. Максимова (равно как и ряд других работ, см. ниже) была обусловлена появлением большого количества археологического материала, полученного в результате «тотальных» раскопок в зонах затопления каскада Волжских гидроэлектростанций в 50-60-х годах.

В 1949-1950 гг. Татарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции были выявлены Тетюшский и I Больше-Тарханский могильники, на которых были проведены небольшие раскопки (Калинин, Халиков, 1954). Отряд этой же экспедиции под руководством Н.Я. Мерперта в кургане бронзового века близ с. Хрящевка Ставропольского района Куйбышевской области исследовал погребение VIII-IX вв., с инвентарем, характерным для памятников салтовского круга (Мерперт, 1954. С. 126-129). В 1953 г. им же были исследованы кочевнические раннеболгарские захоронения (20 могил) близ с. Кайбелы в Ульяновской области (Мерперт, 1957). Часть погребений была впущена в курганы бронзового века; часть – находилась под небольшими плоскими насыпями. Костяки лежали в прямоугольных узких, перекрытых деревом, ямах с заплечиками. Датированный VIII-IX веками «памятник окончательно доказывает приход болгар из Приазовья на Среднюю Волгу в виде большой и компактной группы племен» (Смирнов, Мерперт, 1954).

В 1957 и 1960 гг. А.Х. Халиков и В.Ф. Генинг проводили широкомасштабные исследования

I Больше-Тарханского могильника – изучено 358 раннеболгарских погребений. На II Больше-Тарханском могильнике ими же в 1960 г. вскрыто три захоронения. Все материалы были обобщены в монографии «Ранние болгары на Волге» (Генинг, Халиков, 1964). Авторы пришли к выводу, что второй половиной VIII – первой половиной IX в. следует датировать «основную массу погребений Больше-Тарханского могильника», который был «оставлен группой болгарского населения, откочевавшего из Подонья или Приазовья где-то в конце VII – начале VIII в.» (Генинг, Халиков, 1964. С. 65, 66). Раннеболгарские могильники Среднего Поволжья были подразделены на две группы: «одна из них включает памятники (II Больше-Тарханский, Кайбельский), близкие к Больше-Тарханскому могильнику и хронологически, и в культурном отношении; другая состоит из памятников, так называемого танкеевского типа (Танкеевский, Хрящевский, Кокряцкий и Тетюшский могильники), хронологически близких Больше-Тарханскому, но отличающихся по культуре» (Генинг, Халиков, 1964. С. 99). Представляется интересным еще один вывод, сделанный авторами монографии: «погребальная керамика болгарских могильников VIII-IX вв. в Среднем Поволжье дает возможность выделить в составе болгар по происхождению две крупные этнические группы: наиболее многочисленную болгарско-тюркскую и менее значительную угорскую» (Генинг, Халиков, 1964. С. 142). То есть, по их мнению, население именьковской культуры не участвовало в формировании этнической основы волжских болгар, т.к. именьковская плоскодонная посуда «резко отличается от тарханской» (Генинг, Халиков, 1964. С. 140). Впоследствии этот вывод будет оспариваться (Матвеева, 1997), но и поддерживаться (Богачев, 1995; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

В 1961 г. под руководством А.Х. Халикова и Е.П. Казакова начались раскопки Танкеевского могильника. С перерывами этот памятник исследовался А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой, Е.П. Казаковым вплоть до 1979 г. Общее число выявленных там захоронений достигло 1114. По мнению Е.П. Казакова, именно Танкеевский могильник дает наиболее яркие материалы, отражающие процесс «прихода на Среднюю Волгу более восточного прикамско-чепецкого (ломоватовско-поломского) населения и актив-

ного его контакта с собственно раннеболгарскими племенами» во второй половине IX – начале X вв. (Казаков, 1982. С.37).

В 1967, 1969, 1970, 1980 гг. казанскими археологами были открыты и исследованы отдельные захоронения раннеболгарского времени (Лебяжское, Турчаново), а также продолжалось исследование Тетюшского могильника (Казаков, 1982. С.31). Однако наибольший интерес представляют материалы исследованного в 1974-1975 гг. Е.А.Халиковой и А.Х.Халиковым I Больше-Тиганского могильника конца VIII – первой половины IX вв., расположенного в Алексеевском районе Татарстана (Халикова, 1976а). Уже первые раскопки дали возможность сопоставить памятник с кушнаренковскими материалами Приуралья и отнести его к культуре протовенгров, которая «имеет глубокие истоки в культурах лесостепного Прииртышья, и Южного Зауралья эпохи раннего железа и, видимо, более раннего времени» (Халикова, 1976б. С.155). Работы на памятнике в 1978-1981 гг. были продолжены А.Х.Халиковым, и по их итогам опубликована монография (Chalikowa, Chalikow, 1981).

Параллельно с исследованием раннеболгарских могильников, в 1959-1960, 1969 гг. на территории Татарстана (Елабужский район) исследовался Тураевский курганный могильник, оставленный в V веке кочевническим населением, вовлеченном гуннами в движение на Запад (Генинг, 1976. С. 108).

С 1969 г. кочевнические памятники лесостепного Поволжья исследуются Средневожской археологической экспедицией Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета.

В 1969 г. на 116 км г. Куйбышева было обследовано разрушенное строительными работами захоронение с вещами (сабля, наконечники стрел, предметы конской упряжи, поясные накладки), позволившими Г.И.Матвеевой датировать комплекс второй половиной VIII-IX вв. и отметить «близость его к кругу раннеболгарских памятников типа Больше-Тарханского могильника» (Матвеева, 1976. С. 38).

В 1970 г. отрядом Куйбышевского госуниверситета под руководством Г.И.Матвеевой были раскопаны три кургана с каменными набросками III Рождественского могильника на Самарской Луке. Опубликовавшая материалы раско-

пок Н.Г.Рутто датировала памятник XIII-XIV вв. (как выяснилось впоследствии, ошибочно) и связала его с «периодом обитания печенежско-торческого и черно-клобуцкокого населения в Поволжье» (Рутто, 1975. С. 127). Тогда же был раскопан один курган Новинковского I могильника (Матвеева, 1975). Эти раскопки положили начало исследованию памятников, которые впоследствии будут выделены в особый новинковский тип раннеболгарских могильников.

В 1970 г. был получен первый материал о грунтовых могильниках новинковского типа – отряд экспедиции ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством М.Г.Косменко у д. Малая Рязань (Самарская Лука) под наброской из камней расчистил ориентированный в восточном направлении костяк, лежащий вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь (серьга, стилетообразная булавка) и характер погребального обряда позволил Г.И.Матвеевой поставить комплекс в один ряд с исследованными позднее грунтовыми захоронениями Шелехметского II могильника (раскопки Г.И.Матвеевой 1980-1981 гг.) и захоронениями с городища Лбище (раскопки Г.И.Матвеевой 1994 г.) и интерпретировать все эти комплексы как болгарские новинковского типа (Матвеева, 1995).

В 1971 г. отрядом САЭ под руководством И.Б.Васильева в кургане бронзового века близ с. Васильевка Кошкинского района был исследован разрушенный кочевнический комплекс. Опубликовавшая его И.Н.Васильева при его идентификации опиралась лишь на находку в погребении ножа с волютообразным навершием и отнесла его к эпохе VIII-X вв. (Васильева, 1979. С. 213-214). В этой же работе И.Н.Васильева идентифицировала материалы из ряда комплексов, исследованных САЭ на территории Самарского Поволжья до 1979 г.: погребения 1 и 2 из одиночного кургана Золотая Нива, курган 1 Абашевского могильника, погребение 2 кургана 6 Преполовенковского курганного могильника, курган 4 Кировского I курганного могильника. Все они, на основании анализа погребального обряда и вещевого материала, были включены И.Н.Васильевой в первую и вторую группу кочевнических древностей Самарского Поволжья. В первую (Кировский, Преполовенка) «вошли памятники раннесредневековых кочевников IV-VII вв. Вторую (Золотая Нива, Абашево, Васи-

льевка) составляют памятники второй половины VIII-X вв., отразившие процесс продвижения раннеболгарских и других этнических групп на территорию Волго-Камья» (Васильева, 1979. С. 204-216).

В степях южнее р. Самары в 1972-1974 гг. И.Б. Васильевым у сел Утевка и Покровка было исследовано несколько погребений поздних кочевников X-XI вв. Особенности погребального обряда и специфика инвентаря позволили И.Н. Васильевой отнести их к печенежско-торческому кругу памятников средневековых кочевников Евразии (Васильева, 1979. С. 216-222). Типологически и хронологически близкие комплексы на территории Самарского Поволжья впоследствии были найдены в курганах у пос. Кировский (раскопки 1977 г. Р.С. Багаутдинова), сел Волчанка (раскопки 1979 г. Л.В. Кузнецовой) Гвардейцы (раскопки 1994 г. В.Н. Мышкина), Красный Октябрь (раскопки 1995 г. Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева, А.И. Крамарева) (Багаутдинов, Богачев, Крамарев, 2004; Богачев 2001; Богачев 2006; Васильева 1985. С. 173-177; Васильева 2000. С. 267-273; Крамарев, Багаутдинов, Богачев 1996).

В 1974 г. в Хворостянском районе Куйбышевской области в насыпи кургана № 4 Владимировского курганного могильника эпохи бронзы (раскопки И.Б. Васильева) было обнаружено впускное погребение (№2) с характерным набором украшений «гуннского круга», которое автор публикации В.А. Скарбовенко синхронизировала с «северо-кавказскими памятниками времени Галайтинскогоклада», подчеркнув, что комплекс «предшествует появлению в Поволжье погребений с геральдическими поясами» (Скарбовенко, 1979. С. 173).

В 1975 г. на песчаной дюне близ разъезда Немчанка Борского района Самарской области местными жителями были собраны вещи, происходившие из двух разрушенных погребений. Опубликовавшая материалы Г.И. Матвеева датировала комплекс находок VIII-IX вв., отметив, что возможно «эти погребения были оставлены одной из групп населения, впоследствии вошедших в состав Волжской Болгарии» (Матвеева, 1977. С. 56).

В конце 1970-х – начале 1980-х годов археологическими экспедициями Самарского государственного университета под руководством

Г.И. Матвеевой на Самарской Луке были исследованы III Рождественский (Матвеева, 1995) и II Новинковский курганные могильники, характерной особенностью которых являются каменно-земляные насыпи. Уже первый анализ материалов позволил Г.И. Матвеевой выделить их в особый новинковский тип памятников и связать их с ранними болгарами, подчеркнув общие черты погребального обряда и инвентаря этих могильников с болгарскими могильниками Подонья, Подунавья и Среднего Поволжья (Матвеева, 1985; Васильев, Матвеева 1986). При этом автор опиралась и на антропологический анализ черепов из Новинковского II могильника, произведенный Н.М. Рудь и отметившей, что население, оставившее памятник «входило в круг распространения кочевых болгарских племен Поволжья и Подонья и было смешанным по своему антропологическому типу» (Рудь, 1987).

В 1988 г. на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым были начаты раскопки II Бруснянского курганного могильника. Под 9 насыпями было исследовано 13 захоронений.

В 1989 г. исследование памятника было продолжено – под 4 насыпями было расчищено 19 погребений.

Уже первые полученные материалы позволили А.В. Богачеву и С.Э. Зубову отнести этот памятник в разряд раннеболгарских могильников новинковского типа и датировать его второй половиной VII – первой половиной VIII в. (Богачев, Зубов, 1989, 1993).

В 1990 г. А.В. Богачевым были произведены раскопки 5 курганов (20 погребений) Мало-Рязанского могильника в Ставропольском районе Самарской области, материалы которого позволили идентифицировать его с памятниками новинковского типа и датировать его в пределах конца VII – первой половины VIII в. (Богачев, Зубов, 1990, 1991). В 1996 г. С.Э. Зубов продолжил исследование памятника (раскопаны 2 погребения в кургане № 6). В связи с тем, что курган остался недоисследованным (каменная кладка «уходила» за видимые очертания насыпи), в 1997 г. С.Э. Зубовым, А.В. Богачевым и Р.С. Багаутдиновым были продолжены раскопки этого и еще одного кургана Мало-Рязанского могильника. Под насыпью кургана 6 выявлено еще 6 захоронений, и 2 погребения было в другом кур-

гане. В 1996 г. С.Э.Зубов исследовал один курган (1 погребение) на соседнем II Мало-Рязанском могильнике.

В 1991 г. стационарные раскопки на II Бруснянском могильнике были возобновлены А.В.Богачевым, Р.С.Багаутдиновым и С.Э.Зубовым – было исследовано 11 курганов (30 погребений).

Параллельно в 1991 г. этими же исследователями велись работы на III Бруснянском могильнике. На памятнике было раскопано два кургана (из шести). Материалы одного из них (с камнями в насыпи), вероятно, следует рассматривать как новинковские. Конструкция другого, включающая, в частности, наличие подпрямоугольного ровика, далеко выходящего за насыпь кургана, дает основания для сопоставления его с аналогичными курганами, исследованными в Ульяновском Поволжье (см. ниже).

В 1992-1994 гг. экспедицией Самарского историко-краеведческого музея под руководством Д.А.Сташенкова проводятся исследования I Новинковского курганно-грунтового могильника. Было раскопано 5 курганов (16 погребений) и 2 грунтовых захоронения, которые автор датировал концом VII-VIII вв. (Сташенков, 1995а, 1995б).

В 1993 г. отрядом Самарского госуниверситета под руководством М.С.Седовой было исследовано 8 захоронений на Шелехметском II грунтовым могильнике, идентифицированных как раннеболгарские второй половины VIII в. (Седова, 1995).

В этом же 1993 г. экспедиция Самарского пединститута (руководитель В.Н.Мышкин) исследовала один курган на Осиновском III курганном могильнике на Самарской Луке. Особенностью комплекса явилось наличие половины туши лошади на ступени могильной ямы. Захоронение было датировано второй половиной VII – третьей четвертью VIII в., в обряде отмечен алтайско-тюркский компонент (Богачев, Мышкин, 1995).

В 1994 г. А.В.Богачевым и С.И.Ермаковым было исследовано два кургана (7 погребений) на II Бруснянском могильнике, материалы из которых подтвердили ранее сделанный вывод о хронологии и культурной принадлежности памятника (Богачев, Ермаков, 1995).

В этом же 1994 г. Р.С.Багаутдиновым был раскопан курган с земляной насыпью на V Новин-

ковском курганном могильнике, где было исследовано два захоронения, связываемые автором с болгарами (Багаутдинов, 1995. С.88-89).

В 1996 г. работы на II Бруснянском могильнике были продолжены А.В.Богачевым, Р.С.Багаутдиновым и С.Э.Зубовым – исследовано 5 курганов (13 погребений из 14 – новинковского типа). Параллельно Р.С.Багаутдиновым и С.Э.Зубовым велись раскопки IV Бруснянского (2 кургана – по 1 погребению в каждом) могильнике и II Бруснянского одиночного кургана (2 погребения).

С 1986 г. самарскими археологами исследовались курганные могильники на территории Ульяновской области.

В 1986 г. отрядом Самарского госуниверситета, под руководством В.А.Скарбовенко проводились раскопки II Уреньского могильника, в одном из курганов которого было выявлено раннеболгарское захоронение с салтовской керамикой.

В 1988, 1991, 1992 годах работы на этом памятнике велись Р.С.Багаутдиновым – в 4 курганах исследовано 10 захоронений раннеболгарского времени.

В 1988 г. Р.С.Багаутдиновым был раскопан Старо-Майнский одиночный курган и выявлено два раннеболгарских захоронения.

Материалы исследований II Уреньского и Старо-Майнского курганных могильников частично опубликованы и датированы VII – началом IX в. (Багаутдинов, Набоков, 1993).

В 1992 г. Р.С.Багаутдиновым были раскопаны два кургана (3 болгарских погребения) Шиловского курганного могильника.

Итогом исследования раннеболгарских могильников в лесостепном Поволжье стали монографии Е.П.Казакова (1992), Г.И.Матвеевой (1997) и Р.С.Багаутдинова, А.В.Богачева, С.Э.Зубова (1998).

Помимо обозначенных выше кочевнических материалов, связываемых исследователями с гуннами, сармато-аланами, болгарами, в Поволжской лесостепи на именинских могильниках (поля погребений) выявлены захоронения, совершенные по обряду труположения. Такие известны на Ташкирменском могильнике (Старостин, 1994), а также на Коминтерновском II, Бураковском, Маклашевских IV, V и других могильниках, исследованных главным образом на территории современного Татарстана (Ка-

заков, 1996; 1998). Подобный памятник с бири-туальным обрядом захоронения умерших был исследован в конце 50-х годов у с. Кушнаренково на р. Белой (современный Башкортостан) и опубликован В.Ф. Генингом, который датировал могильник второй половиной VII - первой половиной VIII вв. (Генинг, 1976, 136). Сопоставив турбаслинские древности Южного Приуралья (в частности, Кушнаренковского могильника) с материалами собственных раскопок, Е.П. Казаков пришел к выводу, что эти памятники «оставлены населением, тесно связанным с евразийскими кочевниками» (Казаков, 1996. С. 46), замечая, что «было бы соблазнительно связывать... дальнейшие судьбы турбаслинского населения с буртасами» (Казаков, 1996. С. 49).

Если постановка вопроса о дальнейшей судьбе этого населения (буртасы) нам кажется преждевременной, то вывод Е.П. Казакова о кочевнических истоках ингумаций на именинских могильниках нам кажется вполне обоснованным: «при образовании I Тюркского каганата шла массовая миграция населения на запад» (Казаков, 1998. С. 110).

Результатом этого давления с Востока, по всей видимости, явилось появление в лесостепном Поволжье и подкурганых кочевнических захоронений (Кировский I, Преполовенка, Владимировка см. выше). В 1985 г. на юге Татарстана отрядом Самарского госуниверситета под руководством В.А. Скарбовенко близ с. Новоселки было исследовано кочевническое захоронение второй половины VI в., впускное в курган эпохи бронзы (Богачев, 1990). Автор публикации А.В. Богачев идентифицировал этот комплекс как турбаслинский (Богачев, 1990. С. 17), с чем согласился Е.П. Казаков (Казаков, 1995. С. 40) и не согласилась Г.И. Матвеева (Матвеева, 1995. С. 59). Действительно, в настоящий момент, когда кочевнических материалов второй половины VI в. на территории Евразии еще достаточно мало – любая их этническая и культурная интерпретация будет достаточно условной.

Вместе с тем, предпринятая нами попытка выделить материальный комплекс культуры кочевников VI в. Волго-Уралья (Богачев, 1996; 2010) позволяет сегодня наметить определенные перспективы более однозначной их хронологической идентификации. В частности, помимо названных выше погребений (Владими-

ровка, Новоселки, Преполовенка, Кировский I), в эту хронологическую группу, вероятно, следует включить и погребение 2 кургана 4 Новинковского II курганного могильника, которое ранее воспринималось исследователями (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Матвеева 1997. Рис.18-19), как одно из наиболее ранних погребений новинковского типа, а также сравнительно недавно раскопанное впускное погребение 2 кургана 1 Лузановского IV могильника (Лебедева, 2008).

Таким образом, сегодня можно утверждать, что в V-XII вв. территория лесостепного Поволжья входила в зону влияния разнокультурных кочевнических групп. Причем, в разные периоды степень этого влияния была различной.

До рубежа IV-V вв. южное пограничье лесостепного Поволжья контролировалось позднесарматскими племенами (Березняки, Андреевка, Лопатино, Гвардейцы), северные районы региона с IV в. до конца VI в. были заселены оседлоземледельческими племенами именинковой культуры (ранние памятники типа Лбище, Славкино и собственно именинковые).

На рубеже IV-V вв. происходят коренные перемены в Евразийских степях (сармато-аланские племена вытесняются гуннами), которые находят отражение в археологических материалах лесостепного Поволжья: на позднесарматских могильниках перестают хоронить, появляются отдельные гуннские комплексы (Федоровка).

На протяжении V-VI вв. практически все лесостепное Поволжье находится в сфере влияния оседлоземледельческого славянского населения именинковой культуры, однако со второй половины VI в., судя по археологическим материалам (Владимировка, Новопавловка, Кировский, Новинки, к.4 п.2, Лузановка IV), из степных районов усиливается давление кочевников, причем, отдельные комплексы (Новоселки) маркируют факты кочевнических рейдов вглубь именинковых территорий. Особый интерес представляют грунтовые могильники на правом берегу Волги с бири-туальным обрядом захоронений (Коминтерновский, Ташкирменский, Маклашеевские IV, V и др.), где представлены типично именинковые трупосожжения и кочевнические (турбаслинские ?) ингумации.

Со времени открытия на Средней Волге раннеболгарских могильников (типа Больше-Тарханского и Кайбельского) и вплоть до

1980-х годов, считалось, что миграция болгар-кочевников в регион произошла во второй половине VIII в., однако исследованиями самарских археологов были выявлены курганные могильники (Новинки, Брусяны, Малая Рязань, Шиловка, Урень и др.), материалы которых позволяют удревнить эту дату до середины VII в. Новый массив археологических источников сделал возможным и необходимым целенаправленное изучение досалтовской эпохи как в регионе, так и на достаточно широком культурно-географическом фоне (поскольку появилась возможность сопоставления синхронных, но разрозненных кочевнических древностей Евразийских степей).

В конце VIII – первой половине IX в. мир ранних болгар Среднего Поволжья и мир венгров Прикамья территориально практически сомкнулись. А позднее ранние болгары и часть оставшихся в регионе венгров приняли «участие в сложении населения и культуры Волжской Булгарии, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют материалы Танкеевского и Тетюшского могильников второй половины IX – X в.» (Халикова, 1976б. С.155).

По мнению Е.А.Халиковой, верхняя дата Больше-Тиганского могильника маркирует эпоху, когда «значительная часть протовенгерских племен покидает Южное Приуралье и Нижнее Прикамье и уходит на запад» (Халикова, 1976б. С.155).

Говоря об урало-поволжской части мадьярского пути на запад, «по южной границе волгоуральской лесостепи, вдоль левого берега Волги» (Иванов, 1996. С.196), В.А.Иванов опирается на ряд погребений (Ромашинское, 116 км г. Куйбышева, Немчанское, Луговское). Причем, первые «три из перечисленных погребений исследователями трактуются как караякуповские (Г.И. Матвеевой – кушнаренковские)» (Иванов, 1996. С.195). Однако, если быть более точным, говоря об этнокультурной принадлежности погребения у 116 км в г. Куйбышеве как о кушнаренковской, Г.И. Матвеева оговорила словом «возможно», заметив, что «к сожалению, в этих погребениях не найдена керамика кушнаренковского типа, что позволило бы безоговорочно определить их культурную принадлежность» (Васильев, Матвеева, 1986. С.165).

Это замечание Г.И. Матвеевой представляет весьма ценным. Действительно, ни в четырех

названных, ни во вновь открытых погребениях (Палимовское (Перепелкин, Сташенков, 1996), Лебяжинское (Сташенков, Турецкий, 1999), Просвет (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006) керамика кушнаренковско-караякуповского типа не обнаружена.

Вместе с тем, о том, что Самарское Поволжье в VIII веке было зоной взаимодействия праболгар и протовенгров, говорит находка в одном из комплексов (к. 37, п.1) Брусянского II могильника на Самарской Луке классической кара-якуповской посуды (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Табл. LVI, 5,7).

К сожалению, большинство названных погребений (Ромашинское, 116 км г. Куйбышева, Немчанское, Палимовское) являются разрушенными и многие выводы приходится делать не столько на основании анализа деталей погребального обряда, сколько на материалах погребального инвентаря. И зачастую, как в случае с Немчанским комплексом, «все найденные в погребении вещи имели в VIII–IX вв. весьма широкий ареал» (Матвеева, 1977. С.56).

То есть, этнокультурная интерпретация названных погребений остается неоднозначной. Аргументы есть и в пользу раннеболгарской, и в пользу ранневенгерской их трактовки.

На рубеже I–II тысячелетий степные просторы Самарского Поволжья, по всей видимости, контролировались печенежско-торческими племенами кочевников. Не исключено, что это были, упомянутые Константином Багрянородным, печенеги, отрезанные от своих соплеменников (Богачев, 2006).

Однако с конца I тысячелетия и вплоть до татаро-монгольского нашествия все Среднее Поволжье входило в зону политического и экономического доминирования Волжской Болгарии.

Таким образом, новые археологические материалы, полученные в результате исследований последней четверти XX – начала XXI в., позволяют в значительной степени скорректировать наши представления об освоении лесостепного Поволжья кочевниками в V–XII веках.

Источники и литература

Багаутдинов Р.С., Набоков А.В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской луки. // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Богачев А.В. Погребение VI века на юго-западе Татарики // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.
- Богачев А.В. Печенegi «отрезанные» Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996.
- Богачев А.В., Ермаков С.Ф. Работы на II Брусянском могильнике // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
- Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выпозловский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Богачев А.В., Зубов С.Э. Раскопки Брусянского II могильника на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- Богачев А.В., Зубов С.Э. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes historica, archaeologica et antropologica. Debrecen, 1990.
- Богачев А.В., Зубов С.Э. Раскопки раннеболгарских могильников на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II курганный могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка. // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Буров Г.М. Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
- Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв.н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. Т. IV. 1928.
- Казаков Е.П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.
- Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ КФАН СССР // Труды КФАН СССР. Казань, 1954.
- Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Саратов, 1956.
- Матвеева Г.И. Погребения VIII-IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1977.
- Матвеева Г.И. Погребения VIII-IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1979.
- Матвеева Г.И. Итоги исследования могильников новинковского типа в Среднем Поволжье // Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1985.
- Матвеева Г.И. Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995а.
- Матвеева Г.И. Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника. // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 19995б.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. №42. 1954.
- Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Рудь Н.М. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Самара, 1987.
- Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник. // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975.
- Рыков П.С. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки. Саратов, 1929.
- Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936.
- Седова М.С. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника. // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур. М., 1954.
- Спицын А.А. Заметки из поездки на р. Утку в 1898 г. // ИАК. Вып. 60. 1916.
- Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
- Сташенков Д.А. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. 7. Самара, 1994.
- Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. №2. 1976а.
- Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. №3. 1976б.
- Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altungarn an der Kama und im Ural // Regeszeti fuzetek ser.11. №21. Budapest, 1981.